„Auto-da-fé des armes". Par N. Zibaroff.

Priz: 75 cent.; 7 d.; 15 cts.; 60 kr.; 40 pf.; 30 коп.

Н. ЗИБАРОВЪ.

О СОЖЖЕНІИ ОРУЖІЯ ДУХОБОРАМИ

Разсказъ

Записанный со словъ духобора Н. Зибарова

В. Б-мъ и А. Ч-ой.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Изданіе „Свободнаго Слова"

№ 28.

A. Tchertkoff.
Purleigh, Maldon, Essex, England.
1899

1 шк
Изд. Свобод.
3
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1302
53

О СОЖЖЕНІИ ОРУЖІЯ У ХОЛОДНЕНСКИХЪ ДУХОБОРОВЪ.

Разсказъ Николая Савельевича Зибарова.

(Записали: В. Б. и А. Ч.)

У насъ дѣла дѣлаются такъ: если кто въ какомъ-либо обществѣ надумаетъ что, то онъ говоритъ объ этомъ на сходѣ; если сходъ приметъ, тогда дѣлаютъ съѣздку изъ всѣхъ обществъ, и если рѣшатъ принять, то объѣзжаютъ всѣхъ, кто въ ссылкѣ, спрашивая ихъ совѣта или согласія.

Насчетъ оружія началось такъ: сперва оставили водку и трубку, а потомъ, какъ пошла тяжба изъ за дома*), и у насъ никто не думалъ, чтобы можно отнять у насъ этотъ домъ, такъ какъ и правительство знало, чей онъ, и когда подписались 21 духоборческое селеніе, окольныхъ жителей — армянъ и татаръ — 27 селеній, изъ каждаго селенія по 7—10 понятыхъ, старшины съ приложеніемъ казенной печати, попы православные, муллы татарскіе и изъ малой партіи старшина, а также судебный приставъ, и когда все это не подѣйствовало, и у насъ правительство отняло домъ, — то мы увидѣли, что здѣсь нѣтъ правды. Сначала дѣло вели сами, потомъ сдали адвокату, а адвокаты нами какъ шарами играли, только деньги брали. Мы рѣшили прекратить это дѣло. Увидавши же, что тамъ въ правительствѣ нѣтъ правды, стали и у себя замѣчать неправду.

*) Сиротскій домъ.

Мы — христіане, а въ судъ подавали, а намъ не нужно было бы тягаться, — завладѣлъ, и ладно. Потомъ увидѣли, что мы христіане болѣе на языкѣ, а не на дѣлѣ. Вотъ и рѣшили прежде всего бросить пить вино и курить табакъ, — это было въ 1893 году, — такъ какъ увидѣли, что это дѣло плохое. Видѣли какъ Игнатъ Губановъ *), всегда пьяный, дѣла дѣлаетъ дурныя; вотъ этотъ примѣръ намъ явно показалъ, куда ведетъ пьянство, — мы его бросили и увидѣли, что это очень хорошо. Потомъ начали толковать объ убійствѣ животныхъ — это было уже въ 1894 году. Многіе были несогласны не убивать; стали толковать, что безъ мясного въ нашей странѣ жить нельзя. Мы спросили ссыльныхъ старичковъ; они были согласны не потреблять мясного, и мы тогда порѣшили бросать всѣмъ сразу, въ день 8-го ноября, 1894 года, употреблять мясную пищу и тутъ же увидѣли, что, ежели рѣшили не ѣсть мясного, то надо и оружіе уничтожить. Много толковали объ этомъ, но многіе изъ насъ не соглашались. Спросили у солдатиковъ — тѣ согласились; у ссыльныхъ — тоже; вотъ и рѣшили сжечь оружіе, потому что если бросить просто куда — не видно для всѣхъ будетъ, а еще потому, что заявили уже правительству, что во время тревогъ и розысковъ разбойниковъ рѣшили не выѣзжать на нихъ, такъ какъ порѣшили не убивать звѣрей, а людей и подавно. Намъ не вѣрили. Изъ малой партіи все доносили, что мы это все времъ для того, чтобы ихъ, малую партію, подвести подъ служебные оброки; по всему этому мы рѣшили сжечь оружіе, да такъ, чтобы это стало извѣстно не только нашему округу, но и всей Россіи и, даже, Европѣ.

*) Братъ покойной Лукерьи Васильевны Калмыковой (управительницы Сиротскаго дома) — главный воротила малой партіи, незаконно оттягавшій Сиротскій домъ и все общественное имущество въ свою пользу, подкупивъ правительственныхъ лицъ.
А. Ч.

Вотъ потому то и назначили петропавловъ день, чтобы собраться и сжечь оружіе. Такъ и говорили: „если не вѣрите, увидите — сожжемъ оружіе". Заявили тутъ же правительству, что во время нашихъ праздниковъ не будемъ выѣзжать на ваши требованія къ приставу и въ другія мѣста къ вашему бунту, такъ какъ никогда не обходилось смирно, всегда бывали препирательства.

На день Петра и Павла собирается очень много народа; мы рѣшили, что въ этотъ день будемъ сжигать оружіе, а малая партія стала доносить, что будемъ наступать на сиротскій домъ, на село Горѣлое. Тогда начальство собрало окольныхъ жителей — татаръ и армянъ (милицію),—положило имъ по 50 коп. въ день на человѣка и харчи, но имъ ничего не заплатили; потомъ пришелъ баталіонъ солдатъ и двѣ сотни казаковъ. А мы все-таки продолжали свое; привезли около двадцати возовъ дровъ и угля, пудовъ 15 — 18 керосина, собрали все оружіе, кромѣ ножей, сложили все вмѣстѣ съ вечера подъ петропавловъ день. Когда вывозили оружіе, то женщинъ было мало, все больше мужчины (около 1000 человѣкъ), и каждый клалъ свое оружіе самъ, каждый хотѣлъ свое зло самъ сжечь.

Оружіе было разное; были старые кремневки, хорошія ружья въ серебрѣ, и больше все заряженныя. Какъ сложили — все облили керосиномъ; костеръ былъ вышиной сажени двѣ, а въ окружности 25 саженей.

Костеръ зажгли, а народъ все ѣхалъ и ѣхалъ; кто не успѣлъ еще положить, тотъ подкладывалъ самъ свое оружіе. Стояли кругомъ костра стѣной и смотрѣли какъ горѣлъ костеръ; простояли такъ съ вечера до двухъ часовъ ночи. Свѣтъ отъ костра былъ очень большой — какъ днемъ. Вскорѣ открылась страшная стрѣльба отъ заряженныхъ ружей; многіе со слезами просили народъ отойти подальше, но народъ стоялъ и, удивительное дѣло, никого не ранило, только часто слышалось:

— Ой, братецъ, не тебя-ли? . . .

— Нѣтъ, меня, слава Богу, нѣтъ; не тебя ли, братъ, хватила?

— Мимо прошмыгнула . . .

Въ первую ночь, когда прогорѣлъ костеръ, то ружейные стволы торчали обгорѣлые; мы рѣшили ихъ слить. На другую ночь привезли возъ углей, три мѣха, выкопали яму, раздули мѣхами сильный огонь и сплавили всѣ стволы, все оружіе въ одинъ громадный кусокъ.

Порохъ тоже бросали въ огонь, а нѣкоторые сыпали его дорожками и зажигали — забавляли народъ: — порохъ горѣлъ змѣйкой.

Ночью былъ туманъ. Казаки, высланные разыскать насъ — говорятъ — долго искали и не нашли; проѣхали мимо Богдановки и заѣхали далеко; только утромъ нашли насъ.

Когда оружіе горѣло, мы пѣли псалмы. Потомъ, послѣ двухъ часовъ, стали на богослуженіе, которое и продолжалось отъ двухъ часовъ ночи до трехъ часовъ дня. Богослуженіе потому такъ долго продолжалось, что продолжалось долго лобзаніе. Послѣ богослуженія закусили и разъѣхались по ближайшимъ селеніямъ и вновь собрались въ два часа ночи 30-го іюня опять на богослуженіе. Народу было немного меньше — тысячи двѣ съ половиной; — богослуженіе продолжалось часовъ до 12.

Поутру, на восходѣ солнца, пріѣхалъ нарочный и говоритъ, что привезъ предписаніе, чтобы каждый домохозяинъ къ 9-ти часамъ утра 30-го іюня явился бы въ селеніе Богдановку. У насъ въ это время шло богослуженіе. Мы ему сказали, что какъ и раньше заявляли, что не можемъ бросать богослуженіе для другихъ дѣлъ; и что не можемъ справлять другое дѣло, не покончивъ первое. Когда окончимъ богослуженіе, тогда и пойдемъ, но не знаемъ, успѣемъ или не успѣемъ къ назначенному времени, не покончивши же не пойдемъ.

Нарочный испугался, что мы такъ отвѣтили на приглашеніе губернатора, повернулся и полетѣлъ, какъ оглашенный, назадъ. Черезъ часъ или полтора явился второй; такъ же отвѣтили и второму.

Не докончили мы немного, осталось только дочитать псаломъ, какъ тутъ налетѣли казаки.

Моленіе было это на мѣстѣ, которое мы называемъ Орловской пещерой.

Пещеры никакой собственно нѣтъ; только такъ называется мѣсто; тутъ былъ домикъ; сюда съѣзжались на богослуженіе. Съ одной стороны гора, съ другой — страшная пропасть. Казаки такъ наперли, что чуть не свалили всѣхъ въ пропасть.

Казаки, не доѣзжая саженей 70 — 10 ?, выкинули смертный флагъ; Прага *) скомандовалъ на ура, и они бросились въ полный скачъ, крича и визжа, на толпу и стали бить . . .

Наши стали спрашивать: „За что ты бьешь? Что ты съ насъ хочешь? . . .“

Прага велѣлъ заиграть трубачу въ рожокъ и произошло отступленіе.

Наши стали спрашивать опять: „За что ты бьешь?“ . . .

Я стоялъ съ краю. На меня наскочилъ урядникъ и проговорилъ: „не подчиняться, не признавать власти надъ собой, не хотите знать императора?“ . . . Я отвѣтилъ: „Мы подчиняемся тому, что̀ не противно закону Бога“. Онъ осерчалъ, схватился за саблю, позвалъ къ себѣ еще трехъ казаковъ и велѣлъ имъ меня бить.

Я говорилъ имъ: „прости васъ Господи, бѣдные люди, что согрѣшаете изъ-за насъ“. Били меня по головѣ, плечамъ, щекамъ, кровь текла вездѣ; щеки потомъ почернѣли; я закрывалъ глаза руками, боясь, чтобы не выбили ихъ. Когда урядникъ выхватилъ на меня шашку, я ему сказалъ: „прости тебя

*) Начальникъ казачьей сотни.

Господи, что ты такъ согрѣшаешь". Онъ очень осерчалъ, взмахнулъ надо мной шашкой, но не ударилъ, а сталъ вкладывать шашку въ ножны, лошадь отошла отъ меня; онъ обозлился на лошадь, сталъ ее бить и вдругъ отскакалъ отъ меня саженей на пятнадцать и, разогнавшись оттуда, хотѣлъ смять меня и затоптать, но лошадь не наскочила, а только сильно ударила копытомъ по моей ногѣ и набила большой синякъ. Онъ опять сталъ меня бить и другіе били; потомъ онъ, видимо, усталъ, плюнулъ и отъѣхалъ; отъѣхали и другіе.

Меня перестали бить и стали бить другихъ.

Передъ второй атакой они разъѣзжались, чтобы разбить насъ и передавить, но лошади останавливались передъ толпой или падали на колѣни; многіе казаки плакали и били. Наши говорили: „прости васъ Господи, бѣдныхъ людей; что̀ вы дѣлаете, то и сами не вѣдаете; если бы вы знали, что̀ мы думаемъ, вы бы не стали дѣлать такъ; вы бы отдали себя за другого, а не стали бы бить другихъ". Нѣкоторые очень злились на эти слова, а другіе жалѣли насъ и плакали. Прага, когда замѣчалъ, что кто-либо изъ казаковъ плохо бьетъ, приказывалъ бить того, и ихъ били. Избили насъ всѣхъ такъ, что узнать нельзя было никого; лица у всѣхъ распухли; кожа и мясо кусками посшиблены съ лица, глаза налиты кровью, а кругомъ нихъ напухшее, почернѣвшее мясо. Всѣ покрылись кровью. Кровь лилась съ сосѣда на сосѣда; поле потемнѣло отъ нашей крови. Женщины и подростки были также избиты.

Наши въ третій разъ спросили Прагу: „что ты хочешь изъ насъ выбить?" Прага обозлился и сказалъ: „отрѣзать шлепки!" Казаки отрѣзали и стали насъ бить дротомъ. У нѣкоторыхъ нагайки разбились; Прага велѣлъ имъ бить „прикломъ" *).

*) У каждаго казака къ сѣдлу привязанъ колъ на веревкѣ, который онъ употребляетъ, когда пускаетъ лошадь пастись, то привязываетъ ее на веревку, а колъ втыкаетъ въ землю.

Казаки такъ и дѣлали: они брали въ руки веревку, а коломъ били.

Очень приходилось отъ этого плохо. Многимъ попадало прямо въ голову и разбивало кость, такъ что люди падали въ обморокъ, — такіе были сильные удары. Я закрывалъ лицо руками, поднимая ихъ надъ головой; казаки все цѣлили, стараясь бить по глазамъ и лицу.

Когда били насъ, братья, стоявшіе въ серединѣ толпы, кричали: „братья, старайтесь пролѣзать на края, замѣнять другихъ, кого избили, а то забьютъ нашихъ братьевъ“. Такъ мы и мѣнялись.

Когда въ третій разъ кончили бить, наши опять спрашиваютъ: „что ты хочешь съ нами сдѣлать? Забить что-ли, или предоставить куда?“ Прага сталъ говорить:

„Слышали ли вы, что вамъ нужно явиться въ Богдановку? Пріѣзжали къ вамъ нарочные?“

— Слыхали — говоримъ, — пріѣзжали и нарочные.

— Почему жъ вы не пошли?

— Мы, какъ сказали, такъ и хотѣли сдѣлать; хотѣли кончить богослуженіе, а потомъ идти.

Какъ мы это сказали, Прага закричалъ:

— Поворачивайся въ Богдановку, женщины выходи изъ толпы!

Женщины стали упираться; боялись, что какъ онѣ выйдутъ, такъ мужчинъ и рѣшатъ на смерть.

Прага приказалъ бить женщинъ и выгонять ихъ изъ толпы. Казаки сбивали съ женщинъ платки (шелковыя наколки), и многіе брали ихъ себѣ въ карманы. Одна женщина, Степанида Попова, видя какъ казаки срываютъ платки и прячутъ ихъ въ карманы, обратилась къ нимъ и сказала: „вы не защитники, а грабители“.

Тогда они окружили ее и стали бить плетьми.

Женщинъ выдѣлили и погнали всѣхъ: и женщинъ, и мужчинъ.

Потомъ Прага приказалъ воротить человѣкъ сто, чтобы все справить: запрячь лошадей въ фургоны и все гнать слѣдомъ въ Богдановку; подвезть немощныхъ, избитыхъ,— ими онъ очень интересовался, чтобы представить начальству всѣхъ, кого онъ избилъ — на войнѣ, молъ, побывалъ. Остальныхъ приказалъ гнать. Наши какъ пошли, такъ запѣли псаломъ; молодые вышли напередъ, которые могутъ хорошо пѣть; Прага сейчасъ же закричалъ: „разбить пѣніе!“ казаки бросились и нагайками разогнали.

Прага крикнулъ: „пѣсенники впередъ!“

Казаки выѣхали и заиграли пѣсенку, самую разудалую, такъ что слушать было зазорно.

Мы все-таки продолжали пѣть. Шли и пѣли псаломъ:

Тебя ради, Господи, возлюбимъ врата тѣсныя;
Тебя ради, Господи, оставимъ отца и матерь;
Тетя ради, Господи, оставимъ брата и сестру;
Тебя ради, Господи, оставимъ весь родъ — племень свой;
Тебя ради, Господи, оставимъ все житье — бытье;
Тебя ради, Господи, хожу въ тѣснотѣ гоненій;
Тебя ради, Господи, терплю хулы, поношенія;
Тебя ради, Господи, хожу алчущій и жаждущій;
Тебя ради, Господи, живу безъ покровища.
Богу нашему слава!

Стали догонять до Орловки; тамъ вышли всѣ — и старый и малый, — всѣ плачутъ. Прага за версту увидѣлъ этотъ выходъ и велѣлъ двадцати казакамъ броситься и разогнать толпу. Казаки бросились; дѣтишки успѣли убѣжать, а старики и старухи не успѣли, и ихъ били очень много и очень сильно. Кто былъ помоложе, несмотря на біеніе, бросились къ толпѣ, чтобы помочь ей собой, не все, молъ, ихъ будутъ бить, пусть и насъ побьютъ, а то еще ихъ забьютъ. Знаете какъ говорится: „что будетъ предкамъ, то будетъ и послѣдкамъ“.

Дѣтишки забились по хатамъ, а родители ихъ остались тамъ въ толпѣ.

Когда гнали, было много разговоровъ съ Прагой. Прага разспрашивалъ у меня, Николая Зибарова, и Григорія Плотникова о нарочныхъ, о томъ какъ они пріѣзжали, что намъ говорили, что мы имъ отвѣчали и прочее. Мы ему все въ подробности разсказали, а онъ потомъ говоритъ: „вотъ ссли бы вы не сопротивлялись, вотъ вамъ бы ничего и не было бы, а теперь и еще будетъ“. Мы оба ему отвѣтили: „скажи, вотъ ежели ты заходишь въ свою церковь, — у васъ же вѣдь есть, хотя ты и на службѣ, своя церковь, — и вдругъ тебя вызываетъ другой человѣкъ, выходишь ли ты изъ церкви, не окончивши молитву?“ Онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, не выхожу; долженъ я кончить, за чѣмъ пришелъ и что началъ“, а потомъ спохватился и добавилъ: „конечно, смотря кто зоветъ; можетъ быть звать будетъ мужикъ какой, тогда зачѣмъ я пойду? А вотъ ежели полковникъ, губернаторъ или министръ будетъ звать — тогда надо итти сейчасъ-же, бросивъ все“. А мы ему отвѣтили: „для насъ всѣ люди равны, губернаторъ ли какой, или мужикъ простой — всѣ равны, только разница въ томъ, что одинъ надѣваетъ на себя разныя лишнія одежды и украшенія — серебряныя и золотыя разныя тамъ пуговки; и вотъ ежели эту одежду скинуть съ него и надѣть ее на простого мужика, такъ и мужикъ будетъ такой же страшный, какъ и онъ“. Прага очень осерчалъ на это и закричалъ: „вонъ! Съ глазъ моихъ долой!“... Бить насъ здѣсь не билъ, уморился видно, а вотъ когда отдѣлялъ бабъ отъ насъ; все самъ бросался на тѣхъ, кто ему что-либо отвѣчалъ не въ его духѣ, даже связалъ тогда нѣкоторымъ руки назадъ и такъ гналъ, а нѣкоторыхъ связалъ за разговоры въ дорогѣ. Одинъ изъ нашихъ — Иванъ Илясовъ — сказалъ ему: „какой мѣрой будешь мѣрить, ту и получишь“. За это Прага приказалъ бить его. Его

сильно били казаки, а потомъ велѣлъ связать его. Его связали, а онъ итти не могъ. Тогда его бросили на фургонъ. Илясовъ раньше былъ уже очень сильно избитъ, такъ что его вели подъ руки. Прага подъѣхалъ, поинтересовался имъ: ишь, молъ, до чего дослужился; потомъ сталъ съ нимъ разговаривать, а тотъ отвѣчалъ ему такъ, какъ думалъ, — ну вотъ ему и еще дали, а потомъ бросили.

Не догнавши за версту до Богдановки, — Прага приказалъ всѣхъ остановить, а потомъ поскакалъ съ боку насъ и кричитъ: „скидайте шапки, губернаторъ ѣдетъ!“ Мы — я, Николай Зибаровъ, и Михаилъ Плотниковъ — ему отвѣчали, что губернатора мы видали и не только губернатора, но и князя Михаила видали; когда подъѣдетъ — знаемъ какъ говорить. На вопросъ и отвѣтъ будетъ. Онъ закричалъ: „вы опять разговаривать! Ура!...“ Казаки бросились на ура и стали бить насъ; страшно били, по больному было нестерпимо больно, но наши терпѣли. Казаки бьютъ и кричатъ: „скидай шапки!“ Кто скинулъ, тѣхъ били по голымъ головамъ; тогда они опять надѣли шапки и бросились въ кучу; здѣсь очень насъ избили — сказать трудно, — такъ какъ народъ стоялъ растянуто. Разбили насъ на нѣсколько кучъ и били. Но потомъ мы все-таки сжались въ одну кучу; бой все продолжался, нагайки такъ и свистѣли надъ головами; становилось нестерпимо терпѣть; тѣ, кто былъ въ серединѣ стали очень кричать: „перемѣнить братьевъ, перемѣнить, пробивайся напередъ!“ Тѣ, кто стояли по краямъ, и кого били, тѣ не кричали совсѣмъ, а кто въ серединѣ стоялъ, тѣ очень кричали и выбивались на края. Бѣдныя бабы наши бросались, рвались къ намъ на защиту, но ихъ не пускали казаки, отгоняли плетьми. Потомъ Прага отскочилъ отъ насъ, а тутъ губернаторъ. Прага что то съ нимъ разговаривалъ, а казаки сначала не замѣтили губернатора и продолжали насъ бить.

Губернаторъ очень осерчалъ, подскочилъ къ намъ и началъ насъ бить палкой. Старикъ Плотниковъ пробирался къ губернатору, чтобы поговорить съ нимъ; его казаки били, но онъ держался обѣими руками за картузъ и такъ все подходилъ и подходилъ къ губернатору. Губернаторъ увидѣлъ его и догадавшись, что онъ идетъ къ нему, а шапку не снимаетъ, очень разсердился на него и сталъ старика бить своей тросточкой прямо по головѣ. Плотниковъ все-таки не снялъ картуза, а только спрашивалъ: „за что насъ бьютъ, и что вы съ насъ хотите?“

Тѣхъ, кто снялъ картузъ и вышелъ изъ толпы, опять стали бить. Я закричалъ: „надѣвайте картузы, а то забьютъ; бѣгите въ гуртъ!...“ На мени за это набросились три казака и очень стали бить.

Губернаторъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ, велѣвъ гнать насъ въ Богдановку, сказавъ: „а тамъ съ ними распорядимся иначе...“ До Богдановки насъ такъ гнали, что мы должны были все время бѣжать рысью.

Въ Богдановкѣ начали переписывать насъ, но всѣхъ не переписали и бросили.

Богдановцевъ тоже били, но за селомъ, такъ что мы не видѣли этого битья. А когда кончили бить, — какъ разсказывали они намъ — имъ велѣли итти къ намъ. Они пошли и запѣли псаломъ. Начальство приказало казакамъ разбить ихъ. Казаки бросились и очень стали бить ихъ. Тогда мы бросились къ нимъ на встрѣчу, чтобы собой защитить ихъ и взять въ гуртъ. Казаки не хотѣли насъ пускать, но мы все-таки кучей продвинулись нѣсколько впередъ. Нѣкоторые изъ нашихъ бѣгомъ бѣжали къ Богдановцамъ, и многихъ изъ нихъ казаки не могли догнать; многихъ же били и давили лошадьми. Одному изъ нашихъ, пятидесяти лѣтному старику Петру Пыхтину, переломали три ребра. Дѣло

было такъ: казаки бросились на него и стали топтать лошадьми; одна наступила ему на бокъ и продавила ребра. Женщины по огородамъ бѣжали изъ дворовъ къ намъ на помощь; перескочивъ черезъ каменныя ограды, они подбѣжали къ Пыхтину, но не могли его поднять; побѣжали принесли войлокъ и отнесли въ хату. Казаки хотѣли очень многихъ затоптать лошадьми, но, удивительное дѣло, топчется, крутится лошадь, а не наступаетъ на человѣка: все переступаетъ черезъ него; смотришь, онъ всталъ и побѣжалъ, а казаки за нимъ, такъ и думаешь вотъ-вотъ совсѣмъ задавятъ любошнаго на смерть!

Въ Богдановкѣ насъ скоро всѣхъ распустили. Мы всѣ поѣхали по домамъ.

Встрѣтились мы тутъ съ казаками, которыхъ Прага вернулъ, чтобы забрать сожженое оружіе; они везли сплавленное желѣзо отъ оружія на двухъ фургонахъ, каждый запряженный четверикомъ.

Мы благополучно доѣхали до Горѣлова, а тамъ стояли часовые вокругъ селенія. Часовые насъ не пустили, а послали одного спросить у старшо́го, можно ли проѣхать? старшо́й разрѣшилъ, но за каждой повозкой, пока мы ѣхали черезъ Горѣлое, шли по четыре солдата. Мы ѣхали всѣ избитые, всѣ къ крови; Горѣловцы (малая партія — правительственная) высыпали со всѣхъ четырехъ улицъ на одну и смотрѣли на насъ: многіе плакали, въ особенности женщины; многіе же глумились и кричали намъ: „до чего вы себя довели!“

Мы съ солдатами говорили о всемъ нашемъ дѣлѣ, по дорогѣ закусывали, и солдатамъ предлагали орѣхи, пироги, но они боялись брать, такъ какъ имъ было приказано ничего не брать отъ насъ. Многіе солдаты плакали и говорили, что рады бы взять, да не могутъ, и благодарили насъ. Они провожали насъ съ полверсты за селеніе.

На другой день прибѣжалъ ко мнѣ изъ Орловки Василій Рязанцевъ, которому дали знать изъ Бог-

дановки, а онъ разсказалъ мнѣ, что въ Богдановкѣ казаки безобразничали цѣлую ночь, бѣгали изъ хаты въ хату и безчинствовали... Я поѣхалъ въ Троицкое, далъ знать всѣмъ старичкамъ; собрались мы тамъ, посовѣтовались и рѣшили поѣхать къ жандармскому полковнику спросить: есть ли такія права у русскаго императора, чтобы дѣлать такое безобразіе? Мы — я и Андрей Плотниковъ — пошли пѣшіе въ деревню Спасовку; не доходя одной ворсти — Спасовка уже была видна — мы увидали казаковъ; они выѣзжали изъ селенія и направлялись въ Богдановку; мы немного обождали, чтобы не попасться имъ на глаза; потомъ пошли въ Спасовку; пришли къ своимъ знакомымъ ,которыхъ знавали раньше. какъ своихъ родныхъ братьевъ, и не могли узнать ихъ лицъ, — такъ они всѣ избиты. Тутъ мы увидѣли человѣкъ шесть, которыхъ несли на войлокахъ — (они были безъ памяти), — ихъ отливали водой; нѣкоторые изъ нихъ лежали недѣли по двѣ и не могли ходить. Спасовцы разсказали намъ, что пріѣзжали казаки, заѣхали къ старостѣ и стали ему говорить: „иди указывай намъ постниковъ“. Староста сначала не хотѣлъ. Они его побили. Потомъ онъ пошелъ и началъ указывать. Тутъ казаки и избили всѣхъ нашихъ братьевъ. Били, гдѣ только находили кого: въ хатѣ ли, за обѣдомъ ли, на дворѣ ли; — били просто такъ, ничего не спрашивая, ничего не говоря, били до полусмерти . . .

Въ Спасовкѣ намъ запрягли лошадей, и мы поѣхали въ Ахалкалакъ, чтобы спросить у жандармскаго полковника о томъ, о чемъ хотѣли.

Въ Ахалкалакѣ насъ встрѣтилъ весь городъ — армяне и караимы, — встрѣтили, какъ бы воскресшихъ (насъ считали умершими). — Разспрашивали о всемъ дѣлѣ, и всѣ очень сочувствовали намъ. Жандармы бѣгали по толпѣ, подслушивая: кто что говоритъ. Но насъ, несмотря на это, все-таки окружила толпа, и мы разсказывали все чередомъ,

какъ что было. Намъ сообщили, что теперь уже отмѣнили истязанія; назначили старостъ отъ правительства, а черезъ три дня насъ выселяютъ — 35 домовъ (первая партія). Къ начальству мы не пошли, а закупивъ подковъ и гвоздей, повернули домой, готовиться къ высылкѣ.

Пріѣхали домой, а тамъ уже, оказывается, начальство собирало общества и объявляло указъ и распредѣляло, кому сначала выселяться. Я пришелся въ первую партію. Старшина приказалъ продавать худобу, весь домашній обиходъ, дома, хлѣбъ и пр. За дешевую цѣну не велѣлъ продавать, а покупщиковъ не было. Цѣль его была, чтобы мы совсѣмъ ничего не продали, а все осталось бы такъ не проданнымъ, и чтобы все, такимъ образомъ, попало въ малую партію. Въ этотъ день покупателей не было. Мы вездѣ по округѣ дали знать, чтобы пріѣзжали покупатели. На другой день пріѣхали покупатели, и пришла рота солдатъ. Покупатели многое уже купили, погнали скотъ и пр., а солдаты все отняли, а скотъ вернули обратно, говоря, что мы дешево продаемъ.

Такъ, напримѣръ, я продалъ одиннадцать коровъ съ телятами, которыя каждая стоили мнѣ отъ 30 до 50 рублей, а я продалъ ихъ всѣхъ за 110 рублей. Скотъ мой уже угнали и отогнали съ версту отъ селенія. Солдаты вернули ихъ и коровъ мнѣ отдали назадъ, а я, конечно, вернулъ деньги. Покупателей всѣхъ выгнали. Ихъ всѣхъ избили до полусмерти, такъ что нѣкоторые еле-еле могли итти. Потомъ мы обратились къ батальонному начальнику и попросили его допускать покупателей. Онъ намъ сказалъ: „вы не продавайте за дешевую цѣну армянамъ и татарамъ, вы продавайте горѣловцамъ (малой партіи); они будутъ больше давать вамъ“. Мы опять просили его допустить покупателей и сказали, что если будутъ изъ малой партіи давать цѣну, то будемъ продавать имъ. Онъ позволилъ

пустить покупателей не болѣе какъ на часъ. Покупателей наѣхало очень много. Они запрудили всѣ дороги вокругъ села. Наконецъ, покупателей пропустили къ намъ, они въѣхали въ село и стали покупать всякій скарбъ.

Пріѣхалъ (изъ малой партіи) мой родственникъ— даетъ за 11 скотинъ 50 рублей; просто смѣется. Я рано утромъ погналъ будто на пастбище и — прямо къ армянину. Тотъ и забралъ ихъ за 110 рублей. — Дешево, конечно, а все же больше, чѣмъ Горѣльцы давали. А усадьбу всю за 180 рублей, фургонъ, 5 саней, повозка, яслы на 200 овецъ, лѣсу — 40 бревенъ, лопаты, вилы, грабли, орудія, кадки пошли за даромъ. Одни плуги стоили этихъ денегъ.

На третій день намъ приказали, чтобы мы чуть свѣтъ были на готовѣ. Мы приготовлялись къ этому времени, такъ что всю ночь не спали. Чуть свѣтъ запрягли лошадей и выѣхали на край села. Моя хата была съ краю, и всѣ пять домовъ съѣхались ко мнѣ. Я многаго не могъ продать. Не продалъ домъ, птицу, хлѣба осталось пудовъ 150; остался посѣвъ 25 десятинъ и вся домашняя принадлежность. Хлѣба я роздалъ пудовъ 200 остававшимся братьямъ; просилъ ихъ, чтобы они лошадей своихъ откармливали лучше, въ путь-дорогу готовились бы. 50 пудовъ удалось продать. Ключи отъ дома, отъ амбара я препоручилъ сосѣду и просилъ его раздавать хлѣбъ и имущество братьямъ, а если что удастся продать — просилъ продать, а деньги или выслать мнѣ, или отдать братьямъ, которыхъ приговорили къ высылкѣ.

Какъ только мы выѣхали изъ дома, солдаты сейчасъ же бросились въ дома и стали ломать замки, ловили и рѣзали куръ; птица всякая закричала, поднялись стаи голубей — жутко стало.

Выѣзжали мы не грустно, а даже съ радостью, бодро и согласно выѣзжали, хотя и видѣли мы, что

все добро свое оставляемъ; оставляемъ навсегда тѣ мѣста, гдѣ наши дѣды и прадѣды жили; да знали мы и то, что идемъ за правое дѣло, и ничего не жалко было.

Наканунѣ вечеромъ батальонный собиралъ насъ къ себѣ и говорилъ намъ, чтобы мы ночью подумали бы хорошенько, не одумаемся ли мы и не захотимъ ли подчиниться правительству. Говорилъ намъ, чтобы мы не думали, что намъ дадутъ на своей худобѣ работать; говорилъ, что все отнимутъ. Мы думали, что въ Богдановкѣ будутъ отнимать. Такъ солдаты и старшина говорили; такъ въ этомъ всѣ были увѣрены, что нѣкоторые даже по двѣ рубашки на себя надѣли; все, молъ, на первое время перемѣниться есть чѣмъ.

На утро, когда мы собрались на конецъ села, батальонный опять пріѣхалъ къ намъ и опять уговаривалъ одуматься и всѣхъ, каждаго по одиночкѣ, допрашивалъ, не желаетъ ли кто остаться; кто желаетъ, пусть остается. Мы говорили, что мы не охотой идемъ, мы только охотно справляемъ законъ Бога нашего; если вы намъ позволите справлять законъ нашъ свободно, то мы никогда и не уйдемъ отсюда.

Онъ спросилъ: „что же вы хотите?“—Мы отвѣчали: „Мы хотимъ пользоваться свободой, подати за землю будемъ взносить, такъ какъ она не наша, а казенная, и за нее мы платить можемъ, такъ какъ пользуемся ей и кормимся отъ нея. Аренду мы, по нашему закону, заплатить можемъ казнѣ, все равно какъ и всякому другому помѣщику“.—Батальонный закричалъ: „не разговаривать“.—Но я продолжалъ: „А какую другую подать для государства, военную или какую иную, — платить мы не можемъ и не будемъ, такъ какъ мы двумъ господамъ служить не можемъ“.

Онъ сильно осерчалъ на это и закричалъ: „не разговаривать! Я спрашиваю не тебя, а другихъ. Нѣтъ ли желающихъ?...“

Я опять отозвался: „кажется, желающихъ не оказывается". — Онъ опять дюже осерчалъ, зашумѣлъ, затопталъ ногами, пододвинулся ко мнѣ совсѣмъ близко и закричалъ: „Я тебѣ не разъ говорилъ, чтобъ не разговаривать!..."— Я больше не сталъ говорить.

Тогда мой товарищъ Василій Шерстобитовъ (онъ сидѣлъ на первомъ фургонѣ) сказалъ: „кажется, охотниковъ нѣту, можно ѣхать".

Батальонный опять закричалъ: „не разговаривать, а дождаться ряду, какъ прикажу!" Потомъ онъ еще разъ спросилъ: „кажется, охотниковъ не будетъ?" —Мы промолчали.—Тогда онъ сказалъ: „Ну, съ Богомъ, отправляйтесь!..."—Мы всѣ единогласно отвѣтили ему: „спасибо за хорошее слово". Онъ на это сказалъ намъ: „не обижайтесь на меня; я, кажется, ничего вамъ дурного не дѣлалъ, не вспоминайте меня ни худомъ, ни лихомъ".—Мы на это сказали ему: „кто что заслуживаетъ, того тѣмъ и вспоминаютъ. Хорошаго — хорошимъ, плохого —плохимъ".—Мы тронули и поѣхали въ Богдановку, куда намъ было велѣно пріѣхать къ девятому часу.

Проводить насъ нашимъ братьямъ-односельчанамъ начальство не позволило. Мы съ вечера пошли проститься съ братьями,—попросили у нихъ прощенія, такъ какъ не думали свидѣться съ ними когда-либо.

Когда подъѣзжали къ Горѣлову, тамъ выступила вся деревня. Провожали насъ съ большимъ плачемъ; многіе говорили: „помоги вамъ Богъ въ томъ, что̀ вы задумали и загадали сдѣлать для ради своей души". Такъ мы проѣхали черезъ Горѣлое.

Стали подъѣзжать къ селенію Орловкѣ, и надо намъ проѣзжать черезъ рѣчку по мосту. Видимъ—стоятъ казаки, и догадались мы, что будутъ насъ бить. Семейства наши сбились въ зады фургоновъ; кто правилъ лошадьми — надѣли халаты и припустили лошадей, чтобы скорѣй проскакать промежъ

нихъ. Казаки вскакивали на фургоны и били насъ по чемъ ни попало, сильно били,—вотъ съ такимъ-то почетомъ насъ провожали слуги русскаго правительства.

Пріѣхали мы въ Богдановку. Туда къ этому времени пріѣхала сотня казаковъ, старшина съ писаремъ, приставъ и провожатый партіи.

Въ Богдановку насъ не впустили, а такъ за полверсты остановили; вызывали каждаго домохозяина и переписывали съ его словъ всю семью. Казаковъ поставили кругомъ насъ; всего съѣхалось сюда 35 дымовъ. Мы стали проситься у начальства повидать Богдановцевъ, проститься. Намъ позволили и къ намъ допустили родственниковъ, а другимъ позволили итти на село, если кому нужно было купить что-либо или переговорить съ кѣмъ-нибудь изъ Богдановцевъ.

Когда я подошелъ на вызовъ къ начальству, у меня спросили: „сколько душъ въ семьѣ?“—Я сказалъ: „восемнадцать“. Писарь сначала записалъ всѣхъ, а потомъ сталъ спрашивать, сколько мужского и женскаго пола? Я сказалъ: „десять — мужского и восемь женскаго“. Онъ сталъ проглядывать по старымъ спискамъ и опять спрашиваетъ: „это у тебя сынъ пяти лѣтъ не твоей фамиліи записанъ. Онъ не твой сынъ . . .“

— Какъ же не мой, — что-жъ, что не моей фамиліи, — онъ же мой пасынокъ, и ты же самъ записывалъ его, когда я женился вторично, — нешто не помнишь?

— Знаю это, — сказалъ онъ, — да фамилія другая. Сказано: — пять дымовъ отправлять, а онъ уже шестой дымъ будетъ.

— Какой же онъ дымъ, коли онъ въ моемъ же домѣ живетъ при родной матери?

А Прага съ приставомъ и старшиной стоялъ, да какъ закричитъ на меня:

— Не разговаривать! Исполняй, что̀ велятъ. а то — вотъ казаки! . . .

А писарь пальцами третъ; многіе говорили мнѣ: — „онъ взятки проситъ, дай что нибудь“, — но я не рѣшался. Онъ переписалъ. Я пошелъ къ своему обозу и говорю женѣ и Ваничкѣ, что его оставляютъ. Онъ какъ закричитъ, какъ уцѣпится за мать, потомъ за меня и кричитъ: „я не останусь!“ и бросается, за всѣхъ хватается, самъ трясется, кричитъ, приговариваетъ: „кто меня будетъ жалѣть! Съ кѣмъ я тамъ жить буду, — домъ то нашъ пустой!“ Ну, я его уговаривать, — что ты пріѣдешь къ намъ погодя, съ дядями и бабушкой. *) Но онъ все-таки не успокоивался и цѣплялся за шею и приговариваетъ: „а какъ они не пойдутъ туда?“. Ну мы его опять стали уговаривать: „если они не пойдутъ, то мы пріѣдемъ за тобой“. Но нѣтъ, — онъ все плачетъ и кричитъ свое. Но не только онъ, а и всѣ такой крикъ и плачъ подняли, что сейчасъ вспомнить страшно: и дѣти, и жена, и другіе посторонніе —всѣ плачутъ; казаки и тѣ плакали. Тутъ же изъ другого фургона другого мальчика (Петра Медвѣдева) отбирали по той же причинѣ. Пріѣхали на лошади за ними — „суточные“ (дежурные по селенію — изъ мясниковъ**), но мы попросили нашихъ изъ села Богдановки взять ихъ обоихъ вмѣстѣ. Мой парнишка сначала прятался подъ телѣгу. Мы ему говоримъ: „не прячься, а то казаки бить тебя будутъ, все равно найдутъ!“ Ну, взялъ я его и посадилъ на лошадь верхомъ, посадили и Петьку Медвѣдева къ человѣку, и тотъ началъ уговаривать ихъ, чтобы они не горевали: „если дядья ваши не поѣдутъ, то я отвезу васъ къ вашимъ родителямъ!“ Но они, бѣдняжки, все-таки навзрыдъ плакали, не

*) Переверзевы — братья его отца, который умеръ, когда мальчику было полгода. Женился я на его матери — ему было годъ съ недѣлями, такъ что онъ меня за отца считаетъ.

**) Мясники — духоборы, продолжавшіе употреблять мясо.

вѣрили ничему. Тогда урядникъ закричалъ: „нечего съ ними много разговаривать. Коли хотите брать — бери, а не возьмешь — мы сами скоро совладаемъ съ ними“. Ну, и повезли ихъ прямо силой, и, пока скрылись съ глазъ, они все кричали и вырывались. — Такъ и до сихъ поръ, какъ вспомню это, сердце переворачивается . . .

Простояли мы пять часовъ подрядъ, пока насъ переписывали. Кругомъ масса народа проѣзжаетъ, — татары, армяне (лѣсъ возили), — какъ поровняются съ нами, сейчасъ казаки подскакиваютъ къ нимъ съ нагайками съ двухъ сторонъ, гонятъ прочь и кричатъ: „скидывай шапки!“ А они, во-первыхъ, особенно татары, никогда шапки не снимаютъ, а во-вторыхъ, — не понимаютъ языка; ихъ сейчасъ же плетьми! Били такъ, что смотрѣть было жутко! Я чай, народы эти во вѣкъ не забудутъ этого времени.

Какъ насъ всѣхъ переписали, поставили на дорогу; „провожатые“ обходили фургоны и провѣряли всѣхъ, выкликая по именамъ; потомъ приказали трогать. Казаки провожали насъ только по селенію, а послѣ мы уже одни ѣхали, только „провожатый“ съ нами верхомъ до самаго Горійскаго уѣзда.

Въ Ахалкалакѣ многіе жители — армяне, грузины и другіе — выходили на бесѣду; больше все женщины, а съ женщинами разговоръ имѣли и мужчины; разспрашивали насъ обо всемъ, какъ мы вѣримъ, какъ жили, что дѣлали, за что насъ гонятъ, вообще все-все. Они очень всѣмъ заинтересовались и говорили, что „и у насъ въ Писаніи такъ сказано, что на послѣднее время все будетъ общее; вотъ теперь я торгую, лавку имѣю, а, конечно, когда нибудь этого не будетъ, всѣ станутъ жить, какъ сказано въ Писаніи, сообща“.

Женщины очень плакали, глядя на насъ, и сожалѣли о случившемся на насъ гоненіи. До Боржома ѣхали двѣ ночи; съ Боржома отдыхъ часа три,

лошадей кормили. Пришлось со многими говорить: и съ купцами, и съ князьями даже; всѣ сожалѣли насъ и говорили: „да это хорошо, но трудно выносить это“.—На это имъ отвѣчали: „что̀ дорого покупается, то хорошо сохраняется“.

Одинъ изъ нашихъ братьевъ — Николай Лахтинъ — видѣлъ въ Боржомѣ великаго князя, сына Михаила Николаевича, который раньше его зналъ (онъ у него былъ съ годъ въ кучерахъ) и много бесѣдовалъ съ нимъ о нашемъ дѣлѣ. Великій князь тоже много сожалѣлъ о насъ, о томъ, что трудно придется выносить ссылку малымъ и старымъ. Потомъ пригнали насъ въ Горійскій уѣздъ и тамъ встрѣтилъ насъ помощникъ уѣзднаго и пристава съ расписаніемъ — куда кого, въ какія горы посылать. И началъ намъ помощникъ начальника уѣзда выговаривать: „тутъ съ вами не такъ будутъ поступать, какъ тамъ, гдѣ вы жили раньше; здѣсь васъ прировняютъ къ здѣшнимъ жителямъ; что съ нихъ требуется, то и съ васъ будутъ требовать...“ Мы на это сказали: „а что, намъ земля будетъ въ надѣлъ?“—А онъ отвѣтилъ: „никакой земли вамъ не полагается“.—Мы тогда сказали: „а съ чего-то мы будемъ кормиться, съ чего подати платить?“—А онъ на это: „это ужъ не мое дѣло; какъ хотите, такъ и кормитесь, а я долженъ исполнять, что̀ мнѣ приказано“. Прекративши съ нами разговоръ, онъ повернулся къ приставамъ и старшинамъ и сталъ отдавать имъ приказанія насчетъ насъ. „Ежели кто изъ нихъ будетъ сопротивляться отбывать всѣ повинности, тогда ему двѣсти розогъ; ежели опять не захочетъ, то еще дать триста и сажать въ тюрьму“.—Мы на это сказали: „напрасно вы эти распоряженія отдаете; ужъ лучше прямо гоните насъ въ тюрьмы, потому что мы вамъ загодя говоримъ, если не будемъ имѣть земли, то и податей намъ не съ чего платить, потому что должны же мы какъ-нибудь кормить своихъ дѣтей и стариковъ“. Онъ на это

сказалъ: „не разговаривать, а садитесь на фургоны. Тутъ вы въ кучѣ, потому такъ и говорите; а вотъ тамъ будете по одиночкѣ — тогда посмотримъ, что̀ заговорите“.—На это наши сказали: „что держимъ въ сердцахъ, то будемъ говорить и въ устахъ“.

Тутъ насъ опять погнали и разселили по одному семейству въ селеніе. Мою семью и Емельяна Каныгина (обѣ большія семьи) оставили въ селеніи Зиманикозы по просьбѣ попа, который сказалъ, что онъ постарается насъ соблазнить въ православную вѣру. Насъ поставили въ домъ какъ разъ около попа. Мы не согласились стать даромъ, какъ предлагалъ попъ, такъ какъ съ этого дома деньги шли на содержаніе сиротъ — наслѣдниковъ ихъ убитаго отца. Опекунъ бралъ сначала три рубля за мѣсяцъ, а потомъ сталъ брать пять рублей.

Въ первый же вечеръ мы стали на молитву, и пришелъ къ намъ попъ. Мы прочли многіе псалмы, и попъ еле сдерживался, слушая насъ, такъ какъ въ этихъ нашихъ псалмахъ сказано много противъ поповъ. Онъ не сталъ бесѣдовать съ нами, какъ хотѣлъ прежде, и видно было, что ему очень стыдно стало. Онъ всталъ и ушелъ. Нѣсколько разъ заводилъ онъ бесѣду и все хотѣлъ совратить насъ, а послѣ самъ сдался намъ. Мы ему говорили: „вѣдь ты же самъ видишь и понимаешь, что поступаешь несправедливо“. Онъ сказалъ тогда намъ, что онъ самъ видитъ, что творитъ неправду и поступаетъ несправедливо. Тогда мы стали просить его, чтобы онъ оставилъ свою службу и сталъ бы учить истинному ученію Христа и правдѣ единой. Тогда онъ сказалъ: „если бы я сталъ учить истинному ученію Христа, то тогда меня сослали бы не такъ какъ васъ, а туда, гдѣ я и свѣта не увидалъ бы, подъ землю закопали бы меня, въ рудники или еще куда“.

Черезъ нѣкоторое время я услышалъ, что нашъ сынъ попалъ въ Сигнахскій уѣздъ. Насъ очень безпокоила совѣсть, что онъ тамъ, а мы тутъ, и я

рѣшилъ поѣхать къ нему за 200 верстъ. Я обратился къ старшинѣ, чтобы онъ далъ пропускъ мнѣ въ Горійскій уѣздъ, а онъ сказалъ мнѣ, что ему дано такое строгое предписаніе, что онъ не можетъ отпустить меня не только въ уѣздъ, но даже и въ ближайшее селеніе. Я разсказалъ ему о моемъ сынѣ, о томъ, какъ его отняли, и онъ сказалъ мнѣ: „ѣзжай къ нему съ Богомъ, я не буду тебѣ препятствовать, а ежели попадешься, что-жъ дѣлать, отсидишь немного, а тамъ опять ко мнѣ же представятъ, а я тебя наказывать не буду". Я поѣхалъ. Пріѣхалъ въ Тифлисъ; встрѣтился случайно около тюрьмы съ человѣкомъ, который назвался Павломъ Ивановичемъ Бирюковымъ и который, какъ оказалось, пріѣхалъ узнать о нашемъ дѣлѣ, о которомъ онъ узналъ изъ газетъ. Потомъ я нанялъ фургонъ и отправился въ Сигнахскій уѣздъ. Извозчикъ не зналъ, что я изъ духоборовъ. Имъ очень было запрещено возить насъ, а если кто провезетъ, и объ этомъ узнаютъ, то ихъ штрафовали и сажали подъ арестъ на три мѣсяца. Когда онъ узналъ, что я духоборъ, онъ сталъ просить меня, чтобы я слѣзъ и больше не ѣхалъ бы съ нимъ. Я упросилъ его довести меня какъ только можно дальше. Онъ довезъ меня за восемь верстъ до города Сигнахъ, разсказалъ дорогу до селенія, гдѣ жили мои братья и хорошій знакомый изъ нашихъ — Василій Потаповъ. Я пошелъ; въ селеніе зайти не могъ, такъ какъ тамъ всѣхъ вновь приходящихъ сейчасъ-же доставляли по начальству. Я зашелъ въ лѣсъ около дороги и ждалъ тамъ, не проѣдетъ ли кто изъ нашихъ или изъ молоканъ, но прождалъ до вечера и никого не было. Я очень оголодалъ, такъ какъ ѣсть мнѣ было нечего, и я не ѣлъ уже двое сутокъ. Но не такъ голодъ, какъ жажда замучила меня. Я клалъ платокъ на листья деревьевъ и на траву, такимъ родомъ собиралъ росу, потомъ выжималъ воду на пригоршню и пилъ.

Подъ вечеръ тотъ же извозчикъ, съ которымъ я ѣхалъ, воротился назадъ и поѣхалъ по этой же дорогѣ около лѣса. Я вышелъ къ нему и попросилъ его воротиться и сказать моимъ братьямъ, что я нахожусь здѣсь; онъ воротился и сказалъ.

Сейчасъ же прибѣжалъ ко мнѣ одинъ человѣкъ изъ нашихъ. Я спросилъ, гдѣ находится та деревня, гдѣ мой сынъ. Онъ сказалъ, что надо итти версты четыре внизъ, и мы пошли съ нимъ. Потомъ пришли въ селеніе Барбошекъ къ Александру Переверзеву, нашему брату-духобору и родному дѣду моего пасынка по отцу.

Приходимъ — они спятъ; разбудили ихъ; я шумнулъ имъ (они находились въ палаткахъ); они сейчасъ же узнали меня по голосу, и имъ показалось очень дико, какъ это я пробрался къ нимъ; но несмотря на это, они все-таки сейчасъ же заговорили, что, вѣдь, это пришелъ Никола Зибаревъ за Ваничкой, и начали его будить. Онъ сначала не вѣрилъ имъ; тогда я отозвался; Ваничка подскочилъ и бросился прямо ко мнѣ; сначала заплакалъ, потомъ засмѣялся — радъ; за меня держится, трясется весь, такъ и впился въ меня; я его сталъ уговаривать, что я, вѣдь, за тобой и пріѣхалъ, что ты, молъ, такъ крѣпко держишься; я теперь тебя не брошу. Онъ говоритъ: „вы меня тамъ оставили, а теперь я тебя не пущу и отъ тебя никуда не уйду; пусть бьютъ меня, пусть дѣлаютъ, что̀ хотятъ, а я не отойду“.—Я хотѣлъ пройти къ своимъ братьямъ по селамъ — подкрѣпить ихъ словомъ, а сынъ не пускаетъ; сталъ скидывать съ меня верхнюю одежу; говоритъ, что „за одежой ты придешь, а такъ не пущу тебя“. Я скинулъ всю верхнюю одежу, отдалъ ему, самъ надѣлъ другую (взялъ у братьевъ) и только тогда могъ пойти по селеніямъ. Мнѣ удалось пройти въ нѣсколько селеній и посѣтить своихъ братьевъ, которые меня встрѣчали и провожали съ большими слезами,что они не думали,

что будетъ у насъ личное свиданіе, но, слава Богу, Господь произвелъ.

Потомъ я воротился и отправился въ другое селеніе съ сыномъ, гдѣ меня дожидалъ фургонщикъ, который очень боялся везти меня, и взялъ 16 рублей за то, гдѣ всегда провозъ стоитъ рубль. И онъ насъ провезъ черезъ три станціи, гдѣ осматривала полиція каждый фургонъ. Но насъ не замѣтили — мы сидѣли, заваленные товаромъ. Мы благополучно добрались въ Тифлисъ, а изъ Тифлиса на мѣсто ссылки, гдѣ насъ встрѣтили наши съ большой радостью.

ПСАЛОМЪ ДУХОБОРЧЕСКІЙ.

Кто Богъ велія, яко Богъ нашъ; ты еси Богъ нашъ творяй чудеса единъ. Кто есть Богъ? Богъ есть духъ, Богъ есть слово, Богъ есть человѣкъ. Познайте Бога истиннаго отъ злыхъ боговъ языческихъ; такъ и речетъ писаніе: боговъ много и господъ много, а у насъ есть одинъ Богъ Отецъ, вся жизнь его и мы же его во славѣ Бога Отца. Сынъ глаголитъ: такова бо есть суть. Еретники, неправильные христіане, они же именемъ христовымъ нарекаются, отъ самого Христа отчуждаются; отчуждаются отъ церкви христовой и вѣрующихъ въ Христа мучаютъ и убиваютъ; злые суть боги языческіе и душамъ вредные, возбранено почитать иконы ихъ злыя пастьба *) злоумна; аще бо овцы христовы не обратились бо они въ миръ. то и не имѣлъ бы Христосъ церкви своей на землѣ. Добръ нашъ Господь Богъ Іисусъ Христосъ, добры суть рабы его зело. Душеболѣзненныхъ быхъ чтите Господа и святыхъ его, какъ намъ Господь наказалъ словомъ своимъ; всякъ человѣкъ правовѣрный можетъ храмомъ Божіимъ наректиться; неизвѣстно ли вамъ, что тѣла ваши — храмъ духа моего; духъ Божій живетъ въ васъ и оживотворяетъ васъ, не оскверняется плоть ваша, не отгоняйте духа святого отъ себя,—предложится вамъ во мздѣ Божіихъ правыхъ словесъ. Господь не имѣетъ на себѣ тѣла. Богъ есть духъ безплотный и создалъ душу человѣку безплотную себѣ подобную, разумную, вѣчную,

*) Паства.

самовластную опашницу *) съ сбереженіемъ плоти; она же Богу вышивала все божественное и духовное. Тѣло создалъ еси отъ земли, а душа бо есть образъ Божій и по ней же мы имѣемъ тройственную силу. Всякое естество души — сила человѣческая сія суть: память, разумъ, воля. Памятью уподобимся Богу Отцу; разумомъ уподобимся Богу Сыну; волей уподобимся Богу Духу Святому, такожда во святой Троицѣ три суть лица, но единую душу имѣютъ, три силы душевныхъ, но единый Богъ и Богу нашему слава.

Отъ редакціи.

Читателямъ, желающимъ ознакомиться съ исторіей *гоненій на духоборовъ*, мы можемъ указать на наши изданія подъ №№ 3, 4, 11, 14, 15, 18, 19, 20 (см. списокъ изданій въ концѣ книги).

---

*) Защитницу (отъ слова „опашень“ — накидка, верхняя одежда).